

Оказалось, те двадцать минут, о которых грезил Двенадцать Юаней, — совсем не те, что пронесли над Гуанчжоу пару недель назад.

То были двадцать минут, которые город пережил двадцать лет назад.

Куда исчезли люди — оставалось загадкой. Но Фушэнь, чей зов, похожий на голоса сородичей, разнёсся над Жемчужной рекой, пробудил своего персикового дракона, словно первый весенний гром из древних земледельческих книг.

Двенадцать Юаней когда-то впал в беспробудный сон из-за травмы мозга. Но то, что его гены вновь пробудились к жизни, не было случайностью. Этот бог цветов персика, кружными путями возвращённый на родину, очнулся в водах Жемчужной реки, повинаясь зову Океанического дракона народа Ди и зову древней крови.

Это походило на предначертание. Одинокая, хрупкая жизнь на пути эволюции вопреки шансу один на миллиард встретила родную душу.

Так переплелись судьбы Фушэня и господина Персикового Цвета. Нечто подобное разыгрывалось в старинных пьесах о книжниках и красавицах: поэт видит прекрасную деву, влюбляется без памяти, и они клянутся делить ложе и радости до самой старости, не ведая сомнений. Только на этой земле, взрастившей дух классического романтизма, могла начаться такая история любви.

Впрочем, толковать о любви применительно к двум ползунам — большому и маленькому — было пока рановато.

Пусть розовый малыш давно вышел из младенческого возраста (если считать с момента появления на свет, его телу исполнилось двадцать три года), этот затяжной сон заставил его пропустить всё: и девять лет школьной программы, и выпускные экзамены, и университет. В глазах огромного чёрного ползуна он оставался совсем юным существом.

Да и где это видано, чтобы приличный пресноводный дракон в двадцать три года не знал даже, где находится половая щель?

Пусть его разум развился, а сам он приспособился к дикой природе, без явных признаков созревания считать его взрослым ползуном не приходилось. Настоящий самец должен обладать внушительной длиной тела, весом, хваткой и, разумеется... кое-чем ещё. Без этого ты — просто несмышлёный малёк.

Трудно судить, уступал ли наивный Двенадцать Юаней в умственном развитии прочим персиковым драконам своего возраста. Главное его отличие крылось в характере. Он определялся одним-единственным свойством — безграничной уверенностью в себе. Из тех редких качеств, когда даже рухни небо на землю, существо и глазом не поведёт.

В былые времена персиковые драконы обожали завалиться в любую реку и дрыхнуть там без задних ног, хмельные и бормочущие под нос стихи. Им ужасно нравилось кокетливо скалиться прочей речной живности, изображая из себя утончённых поэтов-гуляк:

«Где лик прекрасный скрылся — бог весть,

А персика цветы по-прежнему вешнему ветру смеются...»

Ох, до чего же славные строки! И разве могли какой-то там конец света или угроза вымирания растревожить покой господина Персикового Цвета? Сущие пустяки!

«Вон те исполинские саламандры на редкость миловидны, а у здешних беспёрых морских свиней на редкость изящные изгибы! В мире полно красавиц, с чего бы мне пропадать? Пока личико и хвост господина Персикового Цвета остаются безупречными, я буду самым щеголеватым драконом на Янцзы, Жемчужной реке и Хуанпу! Ха-ха-ха!»

С подобным легкомыслием неудивительно, что весь их род в своё время бесследно сгинул на просторах Китая.

Видимо, по этой же причине рыбаки и крестьяне на берегах Янцзы в старину то и дело натыкались на распалённых любовной лихорадкой Персиковых пресноводных драконов Ди, лениво валявшихся на отмелях. Ладно ещё речные обитатели, страдавшие от назойливых ухаживаний этих щеголей, но те не удостаивали бегством даже людей. Они их попросту не боялись.

Древние хроники упоминают, что они то и дело шли на контакт с человеком. Стоило дракону проголодаться студёной зимой, как он пристраивался к рыбацким лодкам и выпрашивал еду да вино. Своей ленью и повадками они предвосхитили единственную уцелевшую ветвь своих потомков — аксолотлей.

Нет корма — проси у людей. «Мы ведь уже добрые приятели, к чему страх? Давайте дружить!» По части забав они могли дать фору любым дельфинам. Но наевшись и напившись досыта, этот франт никогда не забывал об услуге.

Следующей весной он непременно притаскивал спасшему его рыбаку корзину крупной рыбы в знак признательности. Именно из-за этой страсти к бродяжничеству древние существа без всякой цели кочевали по рекам и озёрам Китая с ранней весны до поздней зимы. Лишь нагулявшись всласть, они выбирали тихую чистую заводь и засыпали, забыв о странствиях. Но стоило им заприметить живописный пейзаж или чистый исток, как в этих речных пижонах вновь просыпалась охота к перемене мест.

Считается, что впервые персиковые драконы забрели к человеческим жилищам в эпоху Тан. Однако вплоть до заката династии Мин люди так и не смогли разгадать их повадки и отыскать места размножения. Слишком уж хаотично и бесцельно эти создания кочевали по рекам

Китай. Они просто плыли туда, куда несли их волны, начисто лишённые высокомерия, присущего разумным видам.

И потому, даже пережив катастрофу, погубившую почти всё живое на планете, и узнав, что жители Гуанчжоу покинули город двадцать лет назад...

...и что сам он из-за травмы головы проспал два десятка лет, разменяв двадцать третий год, первой его реакцией было восторженное восклицание:

— Ого-о-о!

Протяжная, певучая манера речи досталась маленькому персиковому дракону по наследству. В этих причудливых интонациях сквозила натура старинного речного пиита, у которого наконец-то проснулось вдохновение.

И в следующий миг его прорвало:

— Надо же, целых двадцать лет пролетело! Получается, я выгляжу куда свежее любого другого двадцатитрёхлетнего дракона? Я ведь навсегда останусь моложе их на целых двадцать лет! И в сорок три, и в шестьдесят три года я буду самым юным и обворожительным персиковым драконом на свете!

Что и говорить — верный сын своего легкомысленного племени.

Наследственный оптимизм и непоколебимая вера в собственное величие сочетались в нём с удивительно живым умом. Соображал Двенадцать Юаней молниеносно.

Закончив хвастаться, этот дракончик с почти человеческим лицом обхватил розовыми лапками щёки и озадаченно покачал головой:

— Но если прошло целых двадцать лет... куда же подевались жители Гуанчжоу? Если они уцелели и им некуда податься, они ведь обязательно вернутся в свои дома?

— Не могли же они все разом собраться и уехать в отпуск? И когда у них кончатся путёвки?

Люди, трепещите от благодарности! Наш маленький дракон соизволил побеспокоиться о вашей участи. Видно, он и впрямь всем сердцем привязался к Гуандуну, считая его родным домом, а человечество — добрыми соседями по планете.

Единственный собеседник, способный утолить его любопытство, — «большой ползун» — с трудом сдерживая улыбку, ответил:

— Не имею понятия. Сам я лишь недавно очнулся в глубинах Южного моря и вернулся в эти заброшенные края. Мне неизвестно, что творилось в Гуанчжоу последние двадцать лет. А название реки, дату катастрофы — второе февраля две тысячи двадцать первого года — и те злополучные двадцать минут я узнал лишь потому, что раздобыл телефон и немного посидел в человеческой сети.

— В сети? — Двенадцать Юаней изумлённо захлопал глазами, поражённый столь диковинным способом познания мира.

— Именно, — усмехнулся Фушэнь, не думая скрывать свои забавные привычки. — Чтобы понять, что стряслось с человечеством, достаточно раздобыть их телефон, зайти в сеть и посмотреть, чем они занимались перед исчезновением.

— Я зарядил батарею, разобрался в иероглифах и сетевом жаргоне, а потом пролистал их социальные сети. Так и выяснил, что конец света наступил именно второго февраля две тысячи двадцать первого года. Все публикации пользователей из Китая и соседних стран оборвались ровно на тех двадцати минутах. Современные люди шагу не могли ступить без своих телефонов. И раз они все разом замолчали, то либо на планете отключили электричество, либо они были слишком заняты бегством.

— Но мне стало любопытно, почему вместе с людьми пропали животные и растения. Я нашёл координаты Сафари-парка Чимелун в районе Паньюй, отыскал их старый сайт бронирования билетов, приплыл туда... и обнаружил, что этот огромный заповедник дикой природы просто испарился. Позже я проверил координаты телебашни Гуанчжоу, которую горожане ласково звали «Тонкой талией». Эта махина, обязанная возвышаться над нынешним уровнем моря как минимум на пятьдесят метров, тоже бесследно исчезла.

— Заповедник Чимелун и «Тонкая талия» исчезли вместе с горожанами, словно те прихватили их с собой в поездку. До сих пор не знаю, куда они делись. Так что теперь ты понимаешь, почему Гуанчжоу в один миг опустел?

Размышления Фушэня звучали невероятно забавно. Суровый постапокалиптический мир вокруг них внезапно превратился в увлекательную игру-головоломку.

Казалось, покинутый Гуанчжоу стал полем для поиска сокрытых тайн. Жители провинции Гуандун, отправляясь в путь, подготовились на славу. Мало того что они за двадцать минут умудрились дочиста вывезти свои дома, так ещё и ухитрились запихнуть в чемоданы знаменитый сафари-парк и гигантскую телебашню. Какое усердие!

Выслушав «большого ползуна», Двенадцать Юаней весело расхохотался. Идея сбежать, прихватив с собой целые достопримечательности, показалась ему уморительной. Раз уж люди не спешили обратно, дракончику было плевать на сроки их возвращения. В конце концов, теперь он — редчайший, прекрасный персиковый дракон, и его больше не выставят на Таобао за жалкие гроши.

Получается, весь огромный Гуанчжоу теперь в его распоряжении! Вот уж действительно — мана небесная.

Умный дракончик тут же выдал на редкость практичную мысль:

— Раз все люди уехали развлекаться, значит, я наконец-то смогу позволить себе здесь жильё? Слышал я, цены на квартиры в Гуандуне раньше были безумными. Осяду-ка я прямо тут! Я молодой, красивый, с собственным жильём... Мне не придётся, как госпоже Май, жениться на каком-нибудь дряхлом старике. Отыщу себе такую же юную и прекрасную пару!

В мгновение ока дракончик всерьёз озаботился квартирным вопросом. Розовый толстячок явно неплохо знал прежние гуандунские реалии. Его круглая пухлая мордашка с по-детски очерченным ртом так и светилась довольством.

Глядя на это пышущее здоровьем и беззаботное создание, трудно было поверить в произошедшую катастрофу. Для него конец света означал разве что невозможность посмотреть поутру очередную серию любимой телепередачи.

По его тону можно было подумать, будто он уже завоевал гран-при Всекитайского конкурса красоты среди пресноводных обитателей. Родись он обычным Персиковым пресноводным драконом Ди, то с этой врождённой самовлюблённостью непременно превратился бы в невыносимого речного щеголя, благоухающего цветами персика.

Но судя по тому, с каким упоением он расписывал свои достоинства перед чёрным гигантом, малыш был без ума и от своего видового имени, и от китайских корней.

Потому «красавчик» Фушэнь не стал рушить иллюзии этого круглощёкого создания и лишь мягко усмехнулся:

— Всё так. Твоя внешность, твоё имя и врождённые гены прекрасны. Настолько, что в тебя невозможно не влюбиться. И ты, конечно, рад, что вернулся на родину. Но для выживания в дикой природе одной только смазливой мордашки мало. На свете есть вещи, способные дать тебе совсем иную силу и уверенность. Хочешь узнать, какие?

Розоволосый притих. Когда кто-то чертовски хорош собой, он обычно умеет обольщать, и этот большой ползун владел словом мастерски. Маленький дракончик мигом перестал кривляться. Несмотря на всё легкомыслие, ума и чуткости ему было не занимать. Его было не так-то просто увлечь, но сейчас исполин зацепил его на крючок. Он откровенно заигрывал с ним.

И маленький дракончик действительно попался на приманку.

— На самом деле ты совсем не знаешь этой страны, — заметив его реакцию, негромко рассмеялся Фушэнь. — Ты говоришь, что любишь её, но ведь не бывал нигде, кроме

Жемчужной реки. Ты понятия не имеешь, почему твои предки когда-то привязались к этой земле. «Любить» — это ведь не просто слова. Это значит действовать, шаг за шагом открывать новое, преследовать то, к чему тянется твоё сердце. Идти за ним след в след, куда бы он ни направился, и прямо сказать ему о своих чувствах. Вот что такое любовь.

— Сколько бы ни пришлось ждать, когда ты наконец увидишь, как то, что ты любишь, расцветает во всей красе, ты поймёшь, что каждый миг ожидания стоил того. Вот это... и есть истинное чувство. Так как насчёт того, чтобы доказать свои слова и своими глазами увидеть, как выглядит обновлённый мир?

Так обычно и сходятся пары в старинных преданиях, где умудрённый опытом муж увлекает за собой юную суженую. Наш морской красавец, решив приручить самого видного господина Персикового Цвета грядущих веков, пустил в ход всё своё обаяние. И это подействовало.

Чёрный исполинский ползун по части решительности превосходил любого опытного соблазнителя. Тот, кто берёт своё делом, а не словами, рождён побеждать и собирать цветы персика.

Едва договорив, черноволосый Океанический дракон народа Ди подхватил малыша и усадил к себе на макушку.

— Ох... Ну и тяжесть. Тебе бы больше подошло имя не Двенадцать Юаней, а Двенадцать Тонн.

При всей своей статности этот тип порой разговаривал как заправский уличный повеса, начисто забывая о благородных манерах. «Старый прохвост», впервые усадив добычу на закорки, бережно придерживал дракончика за мягкий, податливый хвост. Но когда он наклонил голову, позволяя малышу устроиться поудобнее, его шутливое ворчание выдавала довольная улыбка. Ведь сколько бы тот ни весил, сам великан явно был на седьмом небе от счастья.

Нехорошо лукавить, красавчик.

Впрочем, набравшись терпения, Фушэнь поднял Розоволосого ещё выше, помогая устроиться на своей макушке, чтобы тот мог разглядеть противоположный берег Жемчужной реки.

— Ну что, видишь там что-нибудь на том берегу? — тихо спросил он. — Или, может, чуешь какой запах? Твой нос ведь должен отлично разбираться в пресной воде.

Малыш прислушался к ощущениям.

— Кажется... там что-то есть... Пахнет очень приятно, совсем близко. Там вода... В воду упало что-то душистое, и она стала сладкой на вкус. Всё вокруг так благоухает... так сладко...

Дракончик зажмурился и невольно потянулся лапками в сторону суши. Его чуткий нос уловил едва заметный аромат, откликнувшийся в самых глубинах его генетической памяти.

Этот запах будил в нём щемящую тоску по прошлому. Именно поэтому дракончик сумел различить его сквозь огромные водные просторы Жемчужной реки, словно перенёсшись в сонные заводи великой Янцзы из своих снов. От нахлынувших воспоминаний он вновь вспыхнул ярким персиковым румянцем.

— Вот как? Ну-ка подумай хорошенько, что это за запах? Не доводилось ли тебе встречать его раньше? — негромко подтолкнул его Фушэнь. — Попробуй представить его цвет, форму, вкус.

— Какой он в твоём воображении? Пушистый или холодный, как лёд? Алого цвета или золотого? Сладкий или с горчинкой? Твой разум так тонок и чувствителен, что ты обязательно поймёшь, что там прячется.

Что бы ни лепетал сейчас Двенадцать Юаней, сидевший на высоте птичьего полета, Фушэнь бережно направлял его фантазию, подстраиваясь под каждое слово.

Он никогда не навязывал своего мнения. Даже если мысли маленького дракона путались, он лишь мягко шептал: «Всё хорошо, не торопись, давай попробуем вспомнить».

Двенадцать Юаней впервые в жизни забрался так высоко. Но негромкий голос Фушэня и его сильные, надёжные ладони дарили невероятное чувство защищённости. Исполин казался второй половинкой его собственного существа.

Он поддерживал его дух, тело и веру в себя. Благодаря ему маленький пресноводный дракончик оторвался от земли и смог заглянуть за горизонт, познавая величие огромного мира, недоступное его крохотному росту. Исполин словно преподносил ему в дар этот новый, обновившийся за двадцать лет Гуанчжоу, показывая, ради чего стоит жить и двигаться вперёд.

И в следующий миг маленький дракон, овеваемый ветрами над древней и в то же время современной Жемчужной рекой, пролепетал, словно в бреду:

— Ве... ли...

— Вели...

— ... Янцзы.

— Там... течёт река... Её зовут Янцзы, она такая... такая красивая...

— ... Я помню это имя.

— Китай... Янцзы... Там осталось много моих старых друзей. Янцзы, где живёт каждый, кого я никогда не смогу позабыть.

<http://bllate.org/book/19977/2038099>